

А. А. КОКОРИНА  
(Москва)

«МОИ ПОСМЕРТНЫЕ  
ПРИКЛЮЧЕНИЯ»  
Ю. ВОЗНЕСЕНСКОЙ:  
ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ  
И ХРИСТИАНСКОЙ ФЭНТЕЗИ

*Аннотация.* В статье осуществлен анализ влияния православных традиций описания посмертного существования, представленных в первую очередь легендами о возвращении из загробного мира, и традиций христианской фэнтези на произведение массовой литературы «Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенской.

*Ключевые слова:* фэнтези, обмирания, легенды о возвращении из загробного мира, православие.

В повести «Мои посмертные приключения», написанной в конце 1990-х годов, Ю. Вознесенская старается ответить на важные вопросы, волнующие каждого человека: есть ли жизнь после смерти? что происходит с нами после того, как мы умрем? Сюжет представляет собой видение главной героини Анны во время клинической смерти. Представления о загробном существовании, описанные в этой книге, основаны на православном вероучении: то, что видит человек на «том свете», — это мытарства, рай и ад. Однако сами описания этой сакральной географии, характерные для православия, мы находим в одобренных церковью легендах о возвращении из загробного мира. Впрочем, в своей повести Ю. Вознесенская руководствовалась не только ими, но и произведениями христианской фэнтези, а также современными историями посещения «того света». Целью настоящей статьи является выявление православных традиций и традиций христианской фэнтези в данной повести.

Необходимо с самого начала заметить, что повесть «Мои посмертные приключения» относится к так называемой массовой литературе. Основными характеристиками этого вида литературы являются, по мнению Т. А. Скоковой, большие тиражи и коммерческая

ориентация на моду и пожелания читателя среднего уровня, наличие определенного набора жанров, приемов и принципов, подражание высокой литературе [Скокова 2009]. В массовой литературе особое внимание уделяется не стилю или проблематике, а структуре и композиции произведения. Сюжет должен быть наполнен различными интригами и коллизиями, чтобы сделать произведение как можно более занимательным и привлекательным для читателя. Язык произведений массовой литературы — еще одно средство развлечения невзыскательного читателя, его особенности зависят от жанра: так, в женских романах много вычурных эпитетов, в романах-боевиках — грубой лексики. Однако авторы массовой литературы не слишком стремятся к красоте слога, ведь в центре внимания всегда сюжет. Так, повесть Ю. Вознесенской написана в инфантильно-игровой, кокетливой манере, делающей ее более занимательной для массового читателя. Часто используются просторечные слова и выражения, вперемешку с книжными и устаревшими словами, что придает речи рассказчицы цинично-шутливый характер: «В то злополучное утро я несколько раз выходила на балкон, чтобы не проворонить заказанное с вечера такси, и попросту забыла в последний раз затворить за собой балконную дверь» [Вознесенская 2003, 20—21].

Характеры героев массовой литературы, как правило, плоские, лишены глубокого психологизма и отражают стереотипные представления о мужчинах и женщинах, бытующие в обществе. В повести Ю. Вознесенской главная героиня — типичная современная женщина, активная и деятельная. Муж ее — слабый и пассивный человек, имеющий отношения на стороне. Можно сказать, именно такие стереотипные представления о семье в современном российском обществе.

Тексты массовой литературы должны подходить под определенные хорошо узнаваемые жанры, например, криминальный роман, фэнтези, триллер, «розовый» (дамский) роман и др. Эти жанры заимствованы из высокой литературы, однако отличаются одномерностью и строгим следованием ка-

нонам, так что вопросов о жанровом своеобразии обычно не возникает. Такое своего рода «соответствие этикетке» характерно для рынка: если потребитель хочет съесть зефир, то внутри упаковки он находит именно зефир, если хочет почитать детектив, то в книге он находит именно детектив, а не сложное в жанровом отношении произведение, ведь цель массовой литературы — доставить удовольствие, а не дать пищу для ума. Однако это не значит, что массовая литература не может осуществлять образовательной функции, сообщать интересную и полезную для читателя информацию. Так, в повести «Мои посмертные приключения» массовый читатель узнает многое о вероучении Православной церкви: о постах и праздниках, о загробной участи души. Произведение Ю. Вознесенской написано в жанре православной фэнтези. Это особый жанр в современной массовой литературе. Книги этого жанра помимо развлекательной направленности имеют еще и миссионерские цели. Авторы таких книг стараются увлекательно рассказать о Православии массовому читателю. Кроме Ю. Вознесенской в этом жанре пишет, например, прот. Александр Торик («Флавиан», «Димон»), Николай Блохин («Глубь-трясина», «Бабушкины стекла», «Избранница») и др.

Жанр фэнтези представляет собой разновидность фантастики, конструирующую фантастическое допущение на основе свободного, не ограниченного требованиями науки вымысла, главным образом, за счет мистики, магии и волшебства. Чаще мир фэнтези создается либо на основе какой-либо существующей мифологии (например, славянской, кельтской, германской), либо творит свою собственную мифологию (как, например, в научной фэнтези). Огромную роль в развитии и популяризации фэнтези сыграл действовавший в Оксфорде литературно-научный кружок «Инклингов», ядром которого были филологи Клайв Степлз Льюис и Джон Толкин.

В популяризации жанра фэнтези особенно велика роль Дж. Толкина, написавшего эпическую сагу «Властелин Колец» (1954—1955 гг.) По своим взглядам Толкин был убежденным

христианином, что отразилось в его произведениях, правда, в завуалированном виде. В созданных им мирах всё создано Единым, существует запрет на магию (как и в христианстве). Однако в целом мир Толкина — это мир существ германской мифологии, только христианизированный. Практически вся современная фэнтези в том виде, в каком она представлена в массовой литературе, ориентируется на неписанный канон, основанный на произведениях Толкина. Сюжет таких произведений представляет собой приключения героев в некоем фантастическом мире или фантастических обстоятельствах: герои борются с врагами, попадают в различные трудные ситуации, из которых выходят, проявляя силу и ум, а также благодаря заступничеству высших сил, находят свою любовь и в конце концов оказываются победителями. Такого типа сюжет встречаем и в повести Ю. Вознесенской: это приключения главной героини Анны в загробном мире. При помощи хитрости и упорства, а также помощи Божией Анна преодолевает все трудности, встреченные ей в потусторонней реальности, и даже вновь влюбляется в собственного мужа (Лопоухого).

Ю. Вознесенская следует также традициям христианской фэнтези, заложенным К. С. Льюисом в произведениях «Расторжение брака» и «Письма Баламута». Эти традиции проявляются и в использовании христианской мифологии, и в особенностях изображения персонажей (их динамике, способности мыслить, рассуждать, несмотря на то, что они находятся, например, в аду). Ангелы, демоны и люди — вот существа, которыми населен мир, созданный К. С. Льюисом в этих книгах. Местом действия является как наш мир, так и загробный. Действие «Писем Баламута» происходит в современном автору мире, главный герой — обычный человек, за которым наблюдает бес-искуситель. Этот бес (Гнусик) под руководством опытного наставника (Баламута) старается увести главного героя от Бога. Повесть написана в эпистолярном жанре от лица Баламута. В «Расторжении брака» речь идет о путешествии главного героя в загробный мир в виде призрака-наблюдателя, который должен поведать

людям о том, что ждет их после смерти. Ад предстает в образе серого города, в котором постоянно идет дождь, а рай — в виде светлой поляны. Грешники — полупрозрачные призраки, а праведники облачены в одежду из света.

Помимо влияния жанра христианской фэнтези в повести прослеживается и влияние православных легенд о возвращении из загробного мира. Так, автор «Моих посмертных приключений» говорила в своем интервью православному информационному агентству «Русская линия», что эту книгу она писала со слов матушки Афанасии, насельницы Свято-Богородицкого Лесненского женского монастыря во Франции, в котором жила Ю. Вознесенская. Матушка Афанасия пережила клиническую смерть и рассказала о ней Ю. Вознесенской: «Она мне рассказала о том реальном посмертном испытании — испытании души на мытарствах, которое она пережила во время клинической смерти. Я ей сказала: “Матушка, это надо записать”. Она принесла мне тетрадку, где история эта была записана. Я ей сказала: “Матушка, вы так хорошо рассказываете, но пишете вы очень плохо”. — “Тогда ты напиши”. — “Благославляете?” — “Благословляю”. И так я стала писать “Посмертные приключения”» [Ильюнина 2003]. Рассказ матушки Афанасии, который Ю. Вознесенская облачила в художественную форму, очевидно, представлял собой легенду о возвращении из загробного мира.

«Легенды о возвращении человека (чаще: его души) из загробного мира — одна из разновидностей цикла нарративов, повествующих о посещении визионером “того света”», — пишет Н. А. Криничная [Криничная]. Впервые восточнославянскими легендами о возвращении из загробного мира заинтересовались Н. И. и С. М. Толстые [Толстые 1979]. Они определили место «обмираний» среди других жаров фольклорных текстов, выявили их композицию, выделив: 1) заставку: предупреждение о предстоящем обмирании, 2) основной текст: путешествие по загробному миру, 3) концовку: пробуждение от сна и возвращение к жизни, рассказы об увиденном и запретах на этот счет.

132 Впоследствии были опубликованы мно-

гочисленные комментированные тексты и исследования этого жанра [Гура 1983, Лурье 1994, Толстая 1999, Добровольская 1999 и др.]. Однако в них еще не поднимались вопросы о мотивировках отсрочки смерти, способах возвращения к жизни, полученном «там» сверхзнании. Впервые они были подняты в статье Н. А. Криничной «Этнография религии. Легенды о возвращении из загробного мира (по восточнославянским материалам)» [Криничная]. Отсрочка смерти визионера мотивируется, во-первых, тем, что он попадает туда живым, во-вторых, необходимостью рассказать об увиденном своим друзьям и знакомым. Визионер становится как бы посланником Божиим, поэтому чаще всего «обмирали» люди верующие, благочестивые и набожные.

Самый известный случай визионерства в христианстве — посещение апостолом Павлом «третьего неба»: «Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими» (2Кор 12:1-5). Нас интересуют в первую очередь те легенды о возвращении из загробного мира, в которых соблюдены православные традиции описания посмертного существования души, то есть которые разрешены к публикации Русской православной церковью.

У Ю. Вознесенской в повести «Мои посмертные приключения» визионером становится интеллектуалка, диссидентка и неверующий человек. Вероятно влияние на повесть современных историй о возвращении из потустороннего мира, опубликованных, например, доктором Моуди в книге «Жизнь после жизни» [Моуди]. Визионеры в большинстве современных историй о возвращении — это люди, пережившие клиническую смерть, причем среди них есть как верующие, так и неверующие.

Однако видения, которые предстают перед ними после смерти, — чаще всего видения «рая» — очень похожи между собой. Видения рая обычно представляют собой виды «сельской местности с ручейками, травой и деревьями, горами», «разноцветные цветы <...> деревья, кусты» [Там же], в книге «Голоса на краю вечности» Дж. Майерса — «яблоневый сад» [О. Серафим (Роуз)], всё залито ярким светом.

Посещения загробного мира описываются во многих житиях святых Православной церкви. Наиболее известными являются «Видение дивного рая блаженным Андреем» и «Мытарства блаженной Феодоры», изложенные в житии св. Василия Нового. «Человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9, 27), — именно эти слова апостола Павла христианские богословы связывают с представлениями о так называемом «частном суде», ждущем каждого человека сразу после его смерти. Эти представления поддерживаются не всеми богословами, в отличие от включенной в Символ Веры христианских церквей идеи «общего», или Страшного, Суда, которую признают все христиане. Под частным судом понимаются мытарства, испытания, которые ждут душу сразу после смерти. Именно они определяют место пребывания души вплоть до Страшного Суда.

Наиболее полную картину посмертной участи, согласно с учением Православной церкви, мы находим в описаниях мытарств блж. Феодоры, изложенных в житии св. Василия Нового. Эта история отличается от большинства легенд о возвращении из загробного мира тем, что в ней не собственно визионер видит потусторонний мир, а визионеру в тонком сне является уже умерший человек, который рассказывает о нем. Учение св. Василия Нового Григорий хочет узнать, где находится душа послушницы старца, благочестивой христианки Феодоры. По молитве св. Василия ему в тонком сне является сама блаженная Феодора и рассказывает о том, что случилось с ней после ее смерти.

Очевидно, что география «странствий» героини Ю. Вознесенской практически полностью совпадает с геогра-

фией мест, где побывала блж. Феодора после смерти. Итак, сразу после смерти блж. Феодора увидела «черных как сажа или смола» эфиопов, желающих съесть святую. Героиня Ю. Вознесенской, очнувшись, вначале видит собственное тело, лежащее в больнице и подвергаемое медицинским манипуляциям. Ее душа присоединена к телу при помощи «золотистого шнура». Это описание составлено, очевидно, под влиянием современных историй о посещении загробного мира [Моуди, О. Серафим (Роуз)]. Впоследствии ее так же, как и блж. Феодору, встречают бесы, но являются они не в виде эфиопов, а в виде инопланетян с Альфы Эридана. Этот вид бесов, конечно, нетрадиционный и также создан под влиянием современных историй: в книге о Серафима Роуза «Душа после смерти» описываются именно видения инопланетян, «светящегося существа» и т. п. Однако согласно учению Православной церкви, цель у них одна — смутить душу и забрать ее с собой.

Затем героиню Ю. Вознесенской встречают ее покойный дедушка, принявший мученическую смерть и поэтому святой, ее покойная мать и ангел-хранитель. Согласно учению Православной церкви каждому человеку при его рождении дается ангел-хранитель, который сохраняет его от множества грехов и по смерти проводит через мытарства. В «Мытарствах блж. Феодоры» мы видим двух ангелов, является ли один из них хранителем или нет, не уточняется. Видение двух ангелов встречается также у св. Григория Турского в «Истории франков»: «Когда моя келья сотряслась четыре дня назад и вы видели меня лежащим мертвым, я был поднят двумя ангелами и отнесен на самую вершину небес» [О. Серафим (Роуз)]. В «Видениях новопостриженного инока Мануила» душу также встречают два ангела, но один из них — ее хранитель: «Куда же мы определим его? — спросил один из них, указывая на меня. — Ты его блюститель, — сказал другой, — ты и должен позаботиться о нем» [Между раем и адом 2009, 145]. Видение покойных родственников тоже может иметь место, подобное мы находим в «Видении отроковицей Анной своих сестер в

райских обителях» [Там же, 138]. Бывает, что во время «обмирания» являются и святые: например, в «Видении сестры Ефросинии» «обмершую» сестру Ефросинию встретил преподобный Онуфрий [Там же, 331].

Ангелы (в повести Ю. Вознесенской — ангел-хранитель и святой дедушка героини) освобождают душу от явившихся ей изначально бесов и ведут ее на поклонение Господу. Путь этот и у героини повести, и у блж. Феодоры пролегает через мытарства. Область мытарств — область «поднебесная», где душе предьявляются ее грехи, которые должны быть менее значительны, чем добрые дела, совершенные душой. Мытарства, по учению многих православных богословов, есть часть учения Церкви.

Так, св. Исаия Отшельник, один из авторов «Добротолубия», пишет: «ежедневно иметь пред очами смерть и заботиться о том, как совершить исход из тела и как пройти мимо властей тьмы, имеющих встретить нас на воздухе» [Добротолубие].

Упоминание мытарств есть и в богослужебном чине Православной церкви: «В час, Дево, конца моего руки бесовския мя исхити, и суда и прения, и страшнаго испытания, и мытарств горьких, и князя лютаго, Богомати, и вечнаго осуждения» («Октоих», глас 4, пятница, тропарь 8-й песни канона на утрени).

Последовательность, названия и примерные описания мытарств совпадают в «Мытарствах блж. Феодоры» и «Моих посмертных приключениях». Это мытарства празднословия, лжи, осуждения и клеветы, чревоугодия, ленности, воровства, сребролюбия и скупости, лихоимства, неправды, зависти, гордости, гнева и ярости, злопомнения, убийства, кародейства, обаяния, призывания бесов, блуда, прелюбодеяния, содомских грехов, ересей, немилосердия и жестокосердия. На мытарствах душу поджидают бесы, в лапах они держат свитки (у блж. Феодоры) и папку бумаг (у Ю. Вознесенской): здесь более «современные» бесы. Интересно проследить поведение небесных покровителей во время мытарств подопечной им души. И в «Моих посмертных при-

ключениях», и в «Мытарствах блж. Феодоры» душа не сама за себя отвечает, а ангелы (в повести Ю. Вознесенской — Ангел и Святой) приводят бесам списки ее добрых дел — здесь Ю. Вознесенская следует православной традиции.

Интересно, что Анна, в отличие от блж. Феодоры, задерживается и оказывается почти побеждена бесами на мытарствах, обозначающих грехи многих современных женщин: гордыня, аборт (мытарство убийства), блуд. Описания этих мытарств фантастичны и яркие, бесы (на двух из мытарств сам Сатана) говорят нарочито современным языком с использованием юридической лексики: «Напоминаю уважаемому защитнику, что по правилам учреждения, которое он здесь представляет, дети ответственны за свои грехи с семи лет» [Вознесенская 2003, 71]<sup>1</sup> и иногда жаргонизмов: «“Отпусти свою цацку!” — зарычал Сатана и шагнул ко мне» (90).

Встречаются описания самих бесов (для разных мытарств разные): так, на мытарстве убийства они наряжены в «карикатурные врачебные халаты и окровавленные клеенчатые передники» (79), фигурируют образы современных мест и вещей («окровавленный бассейн», «порнографические открытки» на мытарстве блуда). Интересно, что в описании бесов автор часто использует уголовный жаргон: «“Нечего тут считать и складывать”, — сказала я, осмелев от сходства бесовки с лагерными лесбиянками-коблами» (87); «С чего бы это они так беспрекословно ему подчинялись, прямо как шестерки пахану?» (42). И так, если бесы у блж. Феодоры напоминают черных эфиопов или, на мытарстве чревоугодия, «сластолюбивых чревоугодников и мерзких пьяниц» [Между раем и адом 2009, 74], то у Ю. Вознесенской они больше похожи на уголовников. Однако в обоих случаях обращает на себя внимание склонность бесов устраивать перед душой театрализованные представления. Таким образом, в описании мытарств Ю. Вознесенская в основном следует традиции, немного «осовременив» ее.

<sup>1</sup> Далее после цитаты из данного издания в круглых скобках указаны цитируемые страницы.

Сама дорога через мытарства и в «Моих посмертных приключениях», и в «Мытарствах блж. Феодоры» описывается как полет, но в случае «Мытарств...» это полет на восток, а в повести — вверх. Однако традиция изображать вознесение души как полет через Царство духов злобы остается.

После преодоления мытарств и у Ю. Вознесенской, и в житии Василия Нового душа попадает в Царство Божие. В обоих случаях оно описывается как очень светлое, сияющее место: «Впереди смутно виднелось нечто огромное и сверкающее — гора... облако?...» (95). «Врата эти были светлы, как кристалл, и кругом видно было сияние, которое невозможно описать» [Между раем и адом 2009, 88].

Описание Царствия Божия у Ю. Вознесенской дано подробно и похоже на описаниерая в других легендах о возвращении из загробного мира, а также на описание К. С. Льюиса в «Расторжении брака» и на видения современных визионеров. Почти во всех случаях рай — это залитый солнцем луг или парк: «Мы поспешили вперед и вскоре вошли под своды парка, полного таких же чудных деревьев. Я сразу заметила, что между ними совсем нет больных, а в кронах не видать ни одной сухой или обломанной ветки» (98). «Никто не кишел, наоборот, было на удивление пусто, так пусто, что я едва различал кучку призраков, за которой мирно сияла зеленая равнина. Правда, где-то вдаль виднелись не то облака, не то высокие горы. Порой мне удавалось разглядеть какие-то леса, глубокие долины и даже города на горных склонах, порой всё это исчезало. Горы были невообразимо высоки, я не мог охватить их взглядом. За ними брезжил свет, на земле лежали длинные тени. Но солнце не появлялось» [Льюис]. «Деревьев было много, как будто лес. Шли по широкой тропинке, покрытой зеленью, как ковром, и еще чем-то блестящим» [Между раем и адом 2009, 141].

Минуя этот прекрасный луг, душа идет на поклон Господу. У Ю. Вознесенской приведено подробное описание этого восхождения по огромной лестнице к Престолу Божию. Душа блж. Феодоры была праведной, поэтому без труда была вознесена прямо к

Богу. Душа же героини Ю. Вознесенской была грешной, поэтому не смогла подняться выше второй площадки лестницы. Образ лестницы в православии встречаем у Иоанна Лествичника [Иоанн Лествичник], но образ этот скорее символический, так как каждая ступень лестницы означает определенную страсть. У Ю. Вознесенской лестница находится уже в самом раю. Организация сакрального пространстварая происходит в плоскости «выше — ниже»: чем выше, тем ближе к Богу.

После поклонения Богу душе показывают селения праведных, а затем и ад. Именно такую последовательность наблюдаем и в «Мытарствах Блаженной Феодоры», и в «Моих посмертных приключениях». Описание селений праведников совпадает в легендах о возвращении из загробного мира и у Ю. Вознесенской. Зачастую это самые настоящие селения, в которых есть дома, церкви, монастыри. «На его холмистых берегах раскинулась то ли большая деревня, то ли маленький городок, весь осиянный золотистым светом» (118). В «Мытарствах...» это обители «Апостолов, и обители пророков, и обители мучеников, и обители святительские...» [Между раем и адом 2009, 89]. Подобное встречаем также и в других видениях: «большие палаты» [Там же, 112], «обители святых» [Там же, 171]. Зачастую видят только храмы, в которых много молящихся [Там же, 138]. В большинстве случаев жители райских селений заняты славословием Бога и молитвой. У Ю. Вознесенской же в раю протекает жизнь примерно так же, как и на земле. Люди пекут пироги, ходят на службу в храм и т. п.

После райских обителей душам показывают ад. В «Мытарствах блж. Феодоры» описание ада весьма краткое: «там я видела нестерпимые страшные муки, которые уготованы в аде для грешников» [Там же, 89]. В «Моих посмертных приключениях» изображение ада фантастично и очень подробно, во многом нетрадиционно. Так, в аду есть города, отношения между людьми. Изображение ада частично напоминает таковое в «Расторжении брака» К. С. Льюиса: ад (у Юлии Вознесенской — некоторые из мест в аду) предстает в виде серого

города, где люди постоянно ссорятся. Традиционно же ад изображается местом, где души лишь мучаются и плачут, где невозможно какое-либо общение. Так, в «Видении послушницы Феклы» мучения грешников передает следующий образный ряд: «большие печи», «большой чан, наполненный смолой», «столб, обвитый змеями» [Между раем и адом 2009, 279—282]. В «Видении сестры Ефросинии» героиня слышит «крики и стоны» людей, находящихся в огненной горе, видит «сидящую женщину, у которой голова вся была покрыта ящерицами, из глаз падали искры, изо рта — черви» [Там же, 333—334].

Во многих легендах о возвращении из загробного мира ад описывается как «темное место», «тесный путь» и «пропасть»: «И вдруг увидел я перед собою, между мною и занавесом, неизмеримую великую пропасть, исполненную мрака, и во мраке этом, на страшной глубине, — самого князя тьмы в том его страшном виде, в каком он изображен на священных картинах» [Там же, 133]. В аду есть храмина без потолка, где люди «сидели друг к другу спинами, как бы не видя друг друга» [Там же, 133], овраги, в которых «множество ползающих змей, животных и бесов» [Там же, 280], «обширнейшее здание» [Там же, 333], в котором люди подвешены к потолку за уши.

У Ю. Вознесенской ад не производит такого ужасающего впечатления. В легендах о возвращении из загробного мира души пребывают только в одном месте и никуда не перемещаются, делают только два «дела» — плачут и кричат. У Ю. Вознесенской души могут переходить с одного места на другое — от города, где строится дамба, до «озера Отчаянья» и т. д. Конечно, в рай, в отличие от душ у К. С. Льюиса, они не могут попасть, и здесь Ю. Вознесенская вполне следует православному вероучению: «и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» (Лк. 16: 26). Кроме того, души у Вознесенской живут в городах и общаются друг с другом, пусть и на примитивном уровне. Ад в «Моих по- смертных приключениях» имеет струк-

туру множества кругов. Здесь можно увидеть аллюзию на Данте или на «Розу Мира» Д. Андреева. Большое сходство с последним обнаруживается и в способе проникновения из одного круга ада (у Д. Андреева — слоя) в другой. «Души бессмертны: те, кого бесы пожирают в одном круге ада, таким образом переносятся ими в другой, еще более ужасный» (291). «Быть пожранным, вернее, восанным волгрюю через ее пористую кожу значило умереть в Агре, чтобы затем возникнуть еще ниже, в Бустви- че или в страшном Рафаге» [Андреев]. Анна, по всей видимости, находилась лишь в самом верхнем круге, поскольку ее никто не поглотил. Она передвигалась в одной плоскости в поисках места, где находятся души, чья участь не определена, на границе ада.

Когда Анна попадает в ад, она оказывается посреди большой пустыни. Пройти через адскую пустыню вновь к границе рая — именно такая задача ставится перед главной героиней повести Высшими Силами. Путешествие Анны по аду — это и есть типичный путь героя в произведениях жанра фэнтези, полный испытаний и трудностей, которые необходимо преодолеть для получения награды. Как только рассказчица попадает в ад, ее сознание сразу меняется, она многое забывает, а речь ее становится бедной и грубой: «Когда я очнулась, этот святающийся дылда всё еще стоял передо мной» (180). Чем дальше героиня продвигается по аду, тем более грубой и примитивной становится ее речь, она совершенно забывает о том, что она видела в раю.

Одно из первых мест в аду, где оказалась Анна, был барачный город, жители которого строили дорогу. Здесь речь Анны очень примитивна, она говорит простыми предложениями, что отражает скудость ее мыслей: «Работа — это когда что-то делаешь, что тебе говорят, а потом за это что-нибудь получаешь. Например, еду или одежду. Думать на работе не надо. Думает тот, кто командует» (193). Жители города, в который попала главная героиня, разговаривают примерно так же, как и она, а сама атмосфера напоминает лагерь для заключенных. Именно такое определение и дает им сама героиня: «А вооб-

ше-то отсюда надо тикать, и как можно скорее. Я сообразила, что попала в какую-то зону или лагерь. Откуда мне известно это слово, я не могла вспомнить, но знала, что в зоне одни люди работают и называются “заключенными”, а другие, которые ими командуют, называются “начальниками”. Есть еще “охранники” с дубинками. Это неправильное название, ведь они не охраняют заключенных, а стерегут их, чтобы не разбежались» (193).

При помощи хитрости и смелости Анна и ее муж, которого она встретила в барачном городе, сбегают и продолжают путешествие по адской пустыне. По пути они попадают в различные сложные ситуации: то на них нападают адские жители-душееды, то уже в другом городе их вновь принуждают к тяжелой работе. От всех трудностей им удается избавиться благодаря смекалке Анны и помощи ангела, который регулярно сбрасывает им просфоры, просяняющие ум. Когда рассказчица начинает приближаться к раю, ее сознание становится более ясным, а речь — благозвучной: «Я очнулась, но не открывала глаз. Позади шумело море: выходит, либо мне удалось самой выбраться, но я этого не помню, либо меня выбросило штормом на прибрежный песок уже без сознания. Над моей головой кричали какие-то птицы. “Чайки...” — вспомнила я и открыла глаза» (223). К ней постепенно возвращается память: «“Ты знаешь, кто это?” — шепотом спросила я Лопухого. — “Нет. А ты?” — “Я знаю. Эта женщина — Богородица, а это — Ее Сын”» (261). Пожалуй, такая динамика поведения героини — новация Ю. Вознесенской: ни в легендах о возвращении из загробного мира, ни в литературных произведениях жанра христианской фэнтези не показаны изменения в сознании героя, зависящие от его местонахождения в потустороннем мире.

В конце повести Анна достигает мест, где находятся души с нерешенной участью. Описание подобных мест в повести оригинально, оно не встречается ни в легендах о возвращении из загробного мира, ни в христианской фэнтези, ни в современных историях. Возможно, прообразом послужило описание ка-

толического чистилища, которого нет в православном вероучении. «Учение Римско-католической церкви о чистилище состоит в следующем. Когда человек уже после крещения совершает грех и получает прощение или когда он совершает “простительный” грех, остающийся неотпущенным, он, как правило, подвергается “временному” наказанию здесь или в будущей жизни. Человек, умерший добрым христианином, однако отягощенный бременем подобных грехов, попадает в чистилище, т. е. туда, где души претерпевают страдания за прегрешения, что дает им впоследствии возможность попасть на небеса» [Энциклопедия «Кругосвет»]. Однако, в отличие от католического чистилища, в месте, описанном Ю. Вознесенской, души не страдают. В повести это своего рода монастырь, где можно молиться, но, в отличие от рая, души не видят там святых, а ангелов — очень редко.

Итак, можно сказать, что в повести «Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенская следует православным традициям изображения загробного мира, особенно в части, касающейся мытарств и рая. Влияние современных историй о посмертных странствиях души, произведения Л. Андреева «Роза мира», а также жанра христианской фэнтези делают повесть понятнее и ближе читателю, живущему в наши дни.

## Литература

Андреев — Андреев Д. Роза мира // URL: <http://rozamira.org/rm/htm/rm04-2.htm> (дата обращения: 18.12.11)

Вознесенская 2003 — Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения. М., 2003.

Гура 1983 — Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник: материалы и исследования. М., 1983. С. 70—72.

Добровольская 1999 — Добровольская В. Е. Рассказы об обмираниях // Живая старина. 1999. № 2. С. 23—24.

Добротолубие — Добротолубие (VI век) (Слово 5, 22) // URL: [bookvisor.ru](http://bookvisor.ru) (дата обращения: 17.12.11)

Ильюнина 2003 — Ильюнина Л. Феномен Юлии Вознесенской // Русская линия: право-



славное информационное агентство. 22.10.03. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=1000634> (дата обращения: 17.12.11)

Иоанн Лествичник — Иоанн Лествичник. Лествица, или скрижали духовные, преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы // Благовещение: библиотека православного христианина. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/ioann11/Main.htm> (дата обращения: 18.12.11)

Криничная — Криничная Н. А. Этнография религии. Легенды о возвращении из загробного мира (по восточнославянским материалам) // Библиофонд: Библиотека научной и студенческой информации. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=107369> (дата обращения: 17.12.11)

Лурье 1994 — Лурье М. Л., Тарабукина А. В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22—26.

Льюис — Льюис К. С. Расторжение брака // URL: <http://lib.rus.ec/b/70416/read#t2> (дата обращения: 17.12.11)

Между раем и адом 2009 — Между раем и адом. Книга видений и свидетельств о жизни души в загробном мире. М., 2009.

Моуди — Д-р Реймонд Моуди мл. Жизнь после жизни // URL: [http://thelib.ru/books/moudi\\_raymond/zhizn\\_posle\\_zhizni-read.html](http://thelib.ru/books/moudi_raymond/zhizn_posle_zhizni-read.html) (дата обращения: 17.12.11)

О. Серафим (Роуз) — О. Серафим (Роуз). Душа после смерти // URL: [http://www.erlib.com/Серафим\\_Роуз/Душа\\_после\\_смерти/](http://www.erlib.com/Серафим_Роуз/Душа_после_смерти/) (дата обращения: 17.12.11)

Скокова 2009 — Скокова Т. А. Специфика массовой литературы в эпоху постмодернизма // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 95—100.

Толстая 1999 — Толстая С. М. Полесские «обмирания» // Живая старина. 1999. № 2. С. 22—23.

Толстые 1979 — Толстые Н. И. и С. М. О жанре «обмирания» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 63—65.

Энциклопедия «Кругосвет» — Энциклопедия «Кругосвет»: электронная энциклопедия. URL: <http://krugosvet.ru> (дата обращения: 17.12.11)

**Summary.** *The author analyzes the influence of Orthodox traditions of after-death existence description which are presented in the first turn in legends of return from the underworld, and the traditions of Christian fantasy in a product of mass literature called “My posthumous adventures” by Yu. Voznesenskaya.*

**Key words:** *fantasy, visionary, legends about returns from the next world, Orthodoxy.*

М. Ю. НИКИШИНА  
(Москва)

## КИТАЙСКИЙ НОВЫЙ ГОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

**Аннотация.** *В статье речь идет о главном китайском празднике — Чуньцзе. Детальное изображение китайского Нового года встречается на страницах произведений русских писателей первой трети XX в., таких как В. В. Сорокинский, И. И. Митропольский, С. Я. Альмов и Н. К. Жураковский. Рассмотрена церемония празднования Нового года, ее культурные, бытовые и этнические особенности, отраженные в литературе.*

**Ключевые слова:** *Чуньцзе, китайский Новый год, русские писатели первой трети XX в., этнографизм литературы.*

Огромный интерес к Китаю в России, конечно, объясняется во многом близким соседством наших стран. Но характер этого соседства (так, чтобы доехать из Москвы до Пекина, путешественник XVIII—XIX вв. должен был затратить не менее полугода), сложные дипломатические отношения, которые объясняются стремлением обеих сторон контролировать забайкальские и дальневосточные регионы, характер китайской культуры создавали особые условия для формирования русской литературы о Китае. Первоначально она носила документальный характер, существуя в основном в виде рассказов о стране: путешествий, географических очерков и путевых заметок. К примеру, таких, как «Кратчайшее описание по городам, доходам и прочему Китайского государства...» А. Леонтиева (1778), «Повести и путешествия в Маймайчен А. П. Степанова» (1838) и др. Собственно художественная литература, в которой Китай представлен как место действия вымышленных героев и исторических персонажей, появляется в России лишь в конце XIX — начале XX в. Это совпало с временем интенсивного освоения дальневосточных территорий, строительством транссибирской железнодорожной магистрали и Китай-